

En suivant nous analyserons ces différentes réponses, et nous verrons les différents types d'avis en fonction des subdivisions desquelles viennent les interrogés. Car il faut savoir qu'en Fédération de Russie le mot nationalité n'a pas le même le sens qu'on peut le trouver en France et plus généralement dans d'autres pays. En effet il y a deux statuts de l'individu; гражданство (littéralement «citoyenneté») et национальность (littéralement «nationalité»); sauf qu'ici nationalité va désigner l'ethnie du citoyen et non pas sa qualité de citoyens de la Fédération de Russie, on parlera dans ce cas de sujet de la Fédération de Russie. Ces différences de mots peuvent sembler futiles mais elles ont leur importance, car contrairement à la France par exemple ou un citoyens ne se distingue pas d'un autre, hors ici on indique clairement une différence, chose assez rare même dans les autres républiques fédérales; il n'y a pas une unicité de la citoyenneté.

Donc à travers ces interventions de citoyens russes, l'idée sera de voir s'il y a des avis divergents sur la citoyenneté russe ou pas, et si le cas dans quels endroits. De plus nous verrons les interrogés voient leurs identités ; si ils se voient comme russe ou citoyens de la fédération de Russie mais en étant rattachés à leurs identités ethniques. La Russie ayant connue des troubles après la chute de l'union soviétique notamment; des demandes de détachement de la fédération et d'indépendance des territoires, il sera intéressant de voir aujourd'hui plus de vingt années après comment les choses ont évolué jusqu'à aujourd'hui. Car si ces républiques existent, on constate que sur l'ensemble des 22 républiques, dans seulement 6 républiques l'ethnie pour laquelle cette subdivisions existent n'est pas majoritaire, donc si ces républiques ont été créées à l'époque dans un souci de tempérer les relations interne, ont-elles toujours une existence légitime pour certaine ou pas.

Egalement cela nous donnera une idée sur la considération que peuvent avoir les sujets sur le pouvoir fédérale, en particulier dans les subdivisions où la loi locale est très attachée à l'identité culturelle (ex; la vente d'alcool en Tchétchénie) et qu'elle peut par moment entrer en conflit avec la loi fédérale; comment les citoyens de la fédération de Russie peut percevoir ce conflit. Et un point très intéressant le cas des langues dites régionales mais qui ont un statut officiel dans les républiques, comment les administrés placent t'ils cette langue par rapport à la langue fédérale, surtout dans des républiques pouvant compter jusqu'à 10 langues officielle. En finalité qu'elle est la place réelle et non pas officielle de l'identité culturelle locale des administrés par rapport à leur citoyenneté fédérale.

Pour conclure, l'étude de ces systèmes d'autonomie locale dans des Etats ayant chacun adoptés une forme différente, nous montre que certes la particularité étatique influence grandement le modèle utilisé. Ainsi le fédéralisme russe permet une autonomie beaucoup plus poussée du notamment à un ensemble de facteurs historiques, géographiques, culturelles etc... mais pourtant le système décentralisé français malgré sa simplicité territoriale apparente n'a rien à envier en termes de complexité. Chacun des deux régimes est en perpétuelles évolutions et devra faire face à de nouveaux défis; la nouvelle stabilité des républiques de la fédération de Russie les mènera t'elle petit à petit à des demandes d'autonomie totale? La France mène une politique d'adaptation à la compétitivité de l'union européenne; le système français cèdera t'il à la bête européenne ou le David de la décentralisation française gardera t'il son indépendance s'imposant face au Goliath du droit européen?

L'avenir nous le dira.

Bibliographie:

1. «Les collectivités territoriales et la décentralisation» Michel Verpeaux. 1993.
2. «La revue les principes de la centralisation et la décentralisation de la puissance publique dans la Russie moderne». 2007.
3. Déclaration l'Assemblée fédérale de la Fédération de Russie le 8 Juillet 2000.
4. Déclarer l'Assemblée fédérale de la Fédération de Russie le 13 avril 2001.
5. Déclaration l'Assemblée fédérale de la Fédération de Russie le 26 Avril 2007.
6. Odilon BARROT dans ces exposés des motifs du décret du 28 mars 1852.
7. François Hollande : «Je propose donc de ramener le nombre des régions de 22 à 14» // Journal libération. 2014. 2 juin.
8. La Constitution française du 4 octobre. 1958.
9. La Constitution de la Fédération de Russie du 12 décembre. 1993.

ПОНЯТИЕ ЭКСЦЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ВИДЫ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

О.О. Дворниченко,
студентка 4 курса ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
olga.uralova94@yandex.ru
Научный руководитель:
В.В. Трифанов,
доцент кафедры уголовного права и
процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

И. Гордон, изучая проблемы, связанные с соучастием в преступлении, верно, подчеркнул, что: «вопрос о соучастии имеет богатую литературу, но отдельные вопросы разработаны далеко неравномерно». Одним из таких дискуссионных и актуальных в настоящее время вопросов в соучастии является — эксцесс исполнителя преступления [7; 15-36].

Согласно толковому словарю, под редакцией Д.Н. Ушакова, термин «эксцесс» представляет собой крайнее проявление чего-либо, невозддержанность, излишество. Схожее толкование можно найти в словаре Т.Ф. Ефремовой. С.И. Ожегов дает следующую дефиницию «эксцессу»: острая, нежелательная ситуация.

М.И. Ковалев в своих работах однозначно говорит, что под «эксцессом исполнителя» в уголовном праве следует понимать совершение исполнителем таких преступных деяний, которые не охватывались умыслом остальных соучастников.

Ученый выделяет в качестве основной проблемы, связанной с явлением эксцесса, проблему, касающуюся решения вопроса об ответственности за эксцесс исполнителя [9; 182].

В Уголовном кодексе РФ дается понятие только «эксцесса исполнителя преступления». Уголовный закон молчит о возможности эксцесса со стороны иных соучастников преступления, то есть о возможности совершения эксцесса со стороны организатора, подстрекателя или пособника. В настоящее время, данный вопрос не имеет четкого и однозначного решения. Существуют диаметрально противоположные точки зрения, относительно данной проблемы. Одна часть ученых считает, что наряду с исполнителем преступления, за пределы общего умысла может выйти только пособник. В связи сданным заключением, интерес представляет диаметрально противоположная позиция, которую отстаивает А.Ф. Ананьин. Он опровергает возможность совершения эксцесса со стороны пособника. В защиту своей позиции, учёный приводит следующие аргументы: фактически исполнитель и пособник изменяют свои роли. В случае, когда, исполнитель, обращай к пособнику, просит его выполнить определённые действия, которые в последствии будут облегчать совершение общего преступления, не предполагает, что пособник в процессе выполнения поручения (просьбы, оговорённых действий) по собственной инициативе может совершить иное, самостоятельное преступное деяние, исполнитель становится подстрекателем, а пособник исполнителем [3; 93-98]. Для наглядного примера, можно привести следующую ситуацию: добывая орудие совершения преступления, пособник убивает лицо, препятствующее получению данного орудия. Иными словами, А.Ф. Ананьин говорил о том, что в любом случае, мы имеем дело уже не с эксцессом пособника, а с эксцессом исполнителя.

С другой стороны, не единожды высказывались мнения, что наряду с исполнителем преступления, эксцесс может быть совершен и со стороны любого другого соучастника [8; 18]. Так П.Ф. Тельнов, отмечает, что "в процессе реализации общего преступного умысла не только исполнитель, но и другие соучастники могут нарушить согласованную линию поведения и совершить посягательство, не предусмотренное сговором. Например: лицо, пообещавшее доставить транспортное средство убивает владельца данного транспортного средства, или, пообещав отвлечь внимание сторожа склада, данное лицо убивает сторожа. Таким образом, теории уголовного права, подводят нас к мысли, что эксцесс может быть совершен любым их соучастников преступления. Однако, в случае наличия на стороне соучастников неконкретизированного или альтернативного умысла, если ими осознавались, предвиделись и допускались различные варианты и способы совершения другими соучастниками преступления, в том числе при отягчающих обстоятельствах, эксцесс соучастника для них исключается, и они должны нести ответственность наравне с ним. Но, если проводить анализ судебной практики, совершения эксцесса со стороны организатора, подстрекателя или пособника практически не фиксируется. Подобное явление можно мотивировать не только тем, что закрепление на законодательном уровне нашло только понятие эксцесса исполнителя преступления, но и сложностью установления эксцесса со стороны других соучастников.

Но основная проблема эксцесса в соучастии сводится в конечном итоге к эксцессу исполнителя. То есть соучастник действительно, выходя за пределы общего умысла остальных соучастников, становится исполнителем, но уже нового, совершенного только им деяния. И соответственно, правильнее будет говорить не об эксцессе соучастника преступления, а о субъекте преступления (отличного преступления, совершенно иного, нежели то, что охватывалось умыслом всех соучастников). Таким образом, согласно ст. 36 УК РФ под эксцессом исполнителя понимается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат. Данную статью Уголовного кодекса РФ необходимо трактовать следующим образом: соучастники в своей ответственности не связаны с исполнителем, то есть действует принцип вины, закрепленный в ст. 5 УК РФ. Одновременно с этим, нельзя рассматривать как эксцесс совершение исполнителем преступных действий, о которых соучастники заранее договорились, но предоставили исполнителю абсолютную свободу в выборе средств и способов совершения преступления.

Большинство ученых соглашается с законодательно закрепленным понятием «эксцесса исполнителя преступления». В соответствии с чем, выделяют основные признаки эксцесса исполнителя преступления: 1) отсутствие вины других соучастников и 2) отсутствие причинной связи между наступившими последствиями в результате совершения исполнителем преступления, образующего эксцесс, и действиями других соучастников. Так же, необходимо отметить, что предшествующая деятельность соучастников выступает необходимым условием совершения исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников.

Существует множество различных классификаций эксцесса. Выделение различных классификаций обусловлено различными признаками, которые становятся «базой» для той или иной классификации. Традиционно, большинство ученых придерживается мнения, что эксцесс исполнителя необходимо подразделять на качественный и количественный. При чем, при характеристике количественного эксцесса принято говорить о совершении исполнителем «однородного преступления». Напротив, при характеристике качественного эксцесса, имеют в виду случаи совершения исполнителем совершенно иного по своей природе преступления, по сравнению с тем, которое охватывалось общим умыслом соучастников.

Согласно мнению М.И. Ковалева, суть количественного эксцесса заключается в том, что исполнитель совершает однородное преступление, но либо более, либо менее тяжкое, чем то, к которому его склоняли, либо чем то, на совершении которого был направлен общий умысел соучастников [9; 183]. Например: подстрекали к краже, а исполнитель совершил разбой. В данном случае, очевидна, как причинная связь между действиями подстрекателя и совершенным преступлением, так и умышленная вина. То есть, подстрекатель должен в данном случае, отвечать за то преступления, к совершению которого он подстрекал исполнителя. Та же ситуация возникает и в том случае, если исполнитель совершает однородное, но менее тяжкое преступление. Например: подстрекали к разбою, а исполнитель совершает кражу. Таким образом, помимо всего прочего, М.И. Ковалев признает в качестве эксцесса совершение исполнителем менее тяжкого преступления, чем то, которое было заложено в общий умысел соучастников.

В судебной практике встречается множество примеров совершения преступления, когда исполнителем совершается количественный эксцесс. Например: М. и К. вступили между собой в предварительный сговор на тайное хищение пуховика из магазина. Реализуя свой преступный умысел, они зашли в магазин одежды. М., действуя согласно распределенным ролям, стал отвлекать внимание продавца, препятствуя обзору товара, и обеспечивая К. возможность совершения тайного

хищения. Но, преступные действия К. были обнаружены продавцом. Сознавая это, К. продолжил совершать незаконное изъятие имущества — выбежал с пуховиком на улицу. Таким образом, совершив открытое хищение пуховика из магазина. Действия К. по открытому изъятию пуховика следует расценивать как эксцесс исполнителя. Суд квалифицировал действия К. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161 УК РФ, а действия М. по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ [2].

В целях более детальной характеристики качественного эксцесса, следует обратиться к толковому словарю, что поможет точнее разобраться в понятиях «качество», «качественный». Прилагательное «качественный» согласно правилам морфемики, является производным от существительного «качество». То есть, иначе говоря, при качественном эксцессе исполнитель совершает абсолютно несоизмеримое, в корне другое преступление, нежели то, которое охватывалось общим умыслом всех соучастников. Например: подстрекали к изнасилованию, а исполнитель совершил убийство. В такой ситуации прерывается какая-либо причинная связь между действиями исполнителя и действиями остальных соучастников. То есть исполнитель руководствовался собственными намерениями, совершал преступление, которое никак не соотносилось с задуманным подстрекателем или другими соучастниками. Аналогичных выводов придерживается и А.В. Шеслер, который считает, что качественный эксцесс присутствует в случае совершения исполнителем преступного деяния, которое не охватывалось умыслом иных соучастников, и которое образует качественно иное (самостоятельное) преступление.

О.Л. Цвиренко, характеризуя качественный эксцесс, говорит о трех возможных проявлениях данного вида эксцесса: а) совокупность ранее задуманного преступления с новым общественно опасным деянием; б) полный отказ исполнителя от преступления, согласованного с соучастниками и замена его новым; в) отказ от начатого преступления и совершение другого, которое не охватывалось общим умыслом соучастников [11; 141].

Таким образом, разделяя мнение большинства теоретиков уголовного права относительно возможности многообразной классификации видов эксцесса, по различным основаниям, все же стоит остановиться на том, что практическое значение и правоприменительный смысл имеет разделение эксцесса на качественный и количественный. Данное деление позволяет определить пределы, согласно которым, деяние, которое было совершено в условиях эксцесса, необходимо квалифицировать по правилам соучастия, а также, позволяет определить пределы уголовной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя.

Считаю рациональным согласиться с выводами Л.В. Ивановой, которая предлагает в зависимости от степени отклонения от общего умысла соучастников, исходя из общего понятия эксцесса, выделять следующие типичные действия исполнителя, образующие эксцесс: 1) совершение исполнителем умышленного преступления, охватываемого умыслом других соучастников, но при квалифицирующих обстоятельствах, которые не охватывались умыслом других соучастников; 2) совершение исполнителем умышленного преступления без квалифицирующих обстоятельств, первоначально охватываемых умыслом других соучастников на стадии предварительной преступной деятельности; 3) совершение исполнителем умышленного преступления сходным способом, но по-иному квалифицируемого в зависимости от ситуации; 4) совершение исполнителем наряду с преступлением охватываемым умыслом других соучастников, еще и иного умышленного преступления, не охватываемого их умыслом; 5) совершение исполнителем иного умышленного преступления, не охватываемого умыслом других соучастников, вместо преступления, охватываемого их умыслом [8; 34]. При этом, рационально будет рассматривать первые три ситуации как совершение исполнителем однородных преступлений по отношению к первоначально планировавшимся преступлениям. То есть, налицо количественный эксцесс. Последние две описанные ситуации представляют собой случаи совершения исполнителем преступления, выходящего за пределы умысла других соучастников, то есть образуют качественный эксцесс.

Одним из необходимых моментов, с точки зрения практики применения уголовного закона, является не только понимание сущности явления эксцесса исполнителя преступления, но и уяснения его значения в системе уголовного права. После совершения преступления, встает вопрос о привлечении данных лиц к уголовной ответственности за совершенное ими общественно опасное деяние. Актуальной является проблема, связанная с дифференциацией ответственности соучастников. А.В. Шеслер писал, что юридическим основанием ответственности участников группового преступления является наличие в действиях каждого из них признаков конкретного состава преступления [15; 39-40]. Уголовно-правовое значение эксцесса исполнителя преступления заключается, прежде всего, в определении круга лиц, несущих ответственности за совершенное деяние, а также в его влиянии на квалификацию содеянного другими соучастниками преступления. Ведь, выходя за пределы заранее оговоренного умысла, исполнитель изменяет само содержание данного умысла, таким образом, разрывается субъективная связь между соучастниками и конечными наступившими общественно опасными последствиями [8; 22].

В результате проведенного анализа, необходимо отметить, что проблемы, связанные с таким уголовно-правовым явлением, как эксцесс исполнителя преступления, носят дискуссионный характер. В теории уголовного права присутствуют разнообразные подходы к определению самого понятия «эксцесс исполнителя преступления».

Существуют различные точки зрения, относительно классификации видов эксцессов, рассмотрения вопросов разграничения эксцесса со сходными уголовно-правовыми явлениями и на другие не менее важные проблемы. По мнению автора, эксцессом исполнителя преступления необходимо признавать не любую «крайность», не любое совершенное исполнителем преступное деяние, выходящее за пределы общего умысла соучастников, а только такое преступление, по отношению к которому, предшествующая деятельность соучастников, направленная на достижение общего, желанного преступного результата, выступает необходимым условием его совершения.

На основании изложенного выше, автор считает рациональным под эксцессом исполнителя преступления понимать совершение им умышленного преступления, которое выходит за пределы умысла иных соучастников. Но в отношении, которого, предшествующая противоправная деятельность остальных соучастников, являющаяся их вкладом в задуманный преступный результат, выступает необходимым условием. В связи с этим, автор предлагает изложить статью 36 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 36 Эксцесс исполнителя преступления:

Экссессом исполнителя признается совершение им умышленного преступления, которое не охватывалось умыслом других соучастников.

Соучастники за эксцесс исполнителя преступления уголовной ответственности не подлежат.

При совершении исполнителем эксцесса в виде преступления с квалифицирующими обстоятельствами, исполнитель, несет ответственность за квалифицированный состав преступления, другие соучастники несут ответственность за участие в оконченном преступлении, которое охватывалось их умыслом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ: по сост. на 20 февраля 2015 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — №25.
2. Бюллетень судебной практики по уголовным делам свердловского областного суда (четвертый квартал 2014 года (42)); Постановление Президиума свердловского областного суда от 29.10.2014 по делу N 44-у-378/2014
3. Ананьин А.Ф. Особенности эксцесса в преступлениях совершаемых группой лиц// конституция СССР и дальнейшие повышения эффективности норм уголовного права: Межвуз.сб.науч.тр. — Свердловск: УРГУ, 1980. С. 93-98
4. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. — Киев, 1986.
5. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. — КГАУ, 2000.
6. Гоордеев Р.Н. К вопросу об эксцессе исполнителя. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб.матер.международ.науч.конфр. Ч.1 — Красноярск: Сиб.ЮИ МВД России, 2006.
7. Гордон И. По вопросу о соучастии в преступлении. // Журнал гражданского и уголовного права. — 2007. — №7 — 8.
8. Л.В. Иванова Эксцесс исполнителя преступления, монография / под.ред. д-ра юрид.наук, проф. АВ. Шеслера. — Тюмень: «ТГАМЭУП», 2009.
9. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург: изд-во УрГЮА, 1999.
10. Пушкин А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. — 2001. — №3.
11. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации / под ред. И.Я. Козаченко. — Нижневартовск: изд-во НГГУ, 2006.
12. Трайнин А.Н. Учение о соучастии/ А.Н.Трайнин. — М., 1941.
13. Усов В.Г. Понятие и ответственность исполнителя преступления. — Рязань: Акад. ФСИН России, 2007.
14. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. Д-ра юр.наук. — Екатеринбург, 2000.
15. Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999.
16. Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении. Учебное пособие / М.А. Шнейдер. — М., 1962.

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Ф.Ф. Каримова,
студентка 2 курса ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
faniya.karimova.96@mail.ru
Научный руководитель:
И.В. Тордия,
заведующий кафедрой гражданского
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Вина — это многоаспектное, многоплановое явление. Она является предметом исследования таких наук как психология, философия и юриспруденция. В современной юридической науке существуют несколько концепций вины: нормативная, психологическая и концепция опасного состояния.

Нормативное направление определяет вину как выраженную в законе конструкцию видов умысла и неосторожности [8].

Психологическая концепция вины определяет ее как «психическое отношение лица в форме умысла и неосторожности к совершаемому им общественно-опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей» [7].

В соответствии же с концепцией опасного состояния вина лица за совершенное деяние подменяется опасностью личности как таковой, а само деяние воспринимается как внешнее проявление (один из симптомов) опасного состояния [6].

Рассмотрев вышеуказанные концепции можно сказать, что как дореволюционная школа отечественного уголовного права отстаивала принцип субъективной психологической концепции вины, так и с точки зрения современного права вина — это личное психическое отношение правонарушителя к результатам своего деяния, имеющее юридическое последствие.

В науке гражданского права же психологический подход к понятию вины не обоснован и часто критикуется. Это объясняется следующими причинами [12]: